

RU

Проблема духовной безопасности в современной России: социальный и нравственный аспекты

Кокарева Ю. В., Миронова Н. В.

Аннотация. Цель исследования – раскрыть содержание и систематизировать понимание социально-го и нравственного аспектов духовной безопасности в современной России, выявив их взаимосвязь со стабильностью общества в условиях глобализационных вызовов. На основе анализа уже известных концепций авторы формулируют собственную точку зрения в вопросе определения духовной безопасности. Научная новизна заключается в том, что в статье предлагается интегративный подход к исследованию духовной безопасности, включающий социальный и нравственный аспекты как важнейшие для обеспечения безопасности российского общества от внешних и внутренних угроз и сохранения национальной идентичности. Обосновывается необходимость использования междисциплинарного подхода при изучении духовной безопасности. Выявляются угрозы духовной безопасности в ситуации трансформации системы ценностей. В результате исследования был сделан вывод, что данные аспекты требуют дальнейшей детальной разработки.

EN

The problem of spiritual security in modern Russia: social and moral aspects

Y. V. Kokareva, N. V. Mironova

Abstract. The aim of the research is to reveal the content and systematize the understanding of the social and moral aspects of spiritual security in modern Russia, identifying their relationship with the stability of society in the face of globalization challenges. Based on an analysis of already known concepts, the authors formulate their own point of view on the definition of spiritual security. The scientific novelty lies in the fact that the article proposes an integrative approach to the study of spiritual security, including social and moral aspects as the most important for ensuring the security of Russian society from external and internal threats and preserving national identity. The necessity of using an interdisciplinary approach in the study of spiritual security is substantiated. Threats to spiritual security are identified in a situation of transformation of the value system. As a result of the research, it was concluded that these aspects require further detailed development.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена кризисом, который затронул все сферы жизни общества. Истоки кризиса оказались настолько глубокими, что оказали воздействие на изменение ценностных установок. В связи с этим в настоящее время невозможно говорить о решении каких-либо масштабных проблем и безопасности современного общества без первоочередного решения вопроса духовной безопасности.

В настоящее время проблема духовной безопасности становится особенно значимой в контексте противостояния западной и традиционной российской системы ценностей. Современная геополитическая ситуация имеет не только политическое, но и цивилизационно-духовное измерение, а следовательно, требует обязательного осмысления с социально-философской и духовно-нравственной позиций.

К данной проблематике сегодня обращаются многие общественные исследователи в рамках диссертационных работ, монографий и научных статей. О некоторых из этих работ речь пойдет далее. Следует также отметить, что вопросы духовной безопасности в современной России отражены в ряде официальных документов. Так, например, в Стратегии национальной безопасности РФ содержится глава, посвященная защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400).

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/); в 2022 году вышел Указ Президента Российской Федерации В. В. Путина «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/).

Обращение к проблеме духовной безопасности в настоящий момент является важным, поскольку ее анализ позволит решить другие серьезные проблемы как на личностном, так и на общественном уровнях. К их числу можно отнести проблему бездуховности, проблемы преступности и терроризма, алкоголизма и наркомании, потребительского отношения к природе и многие другие. От решения этих проблем во многом зависит будущее нашей страны.

Таким образом, анализ концепции духовной безопасности через призму социального и нравственного компонентов является ключевым условием развития России и сохранения ее самоидентичности.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать уже известные концепции духовной безопасности;
- сформулировать собственную позицию в вопросе определения духовной безопасности;
- подробно рассмотреть социальный и нравственный аспекты духовной безопасности.

Теоретической базой исследования послужили работы А. И. Хвыли-Олинтера (2008), С. Н. Соколовой (2017), А. А. Возмителя (2006), А. Н. Гулевского и Н. А. Гулевской (2017), А. Хохловой (2011), П. Н. Беспаленко (2009), А. С. Запесоцкого (2002), А. В. Харсеевой (2006), А. В. Посадского (2021), Т. А. Чикаевой (2020). Данные работы посвящены проблеме духовной безопасности и возможным путям ее решения.

В статье применяются общенаучные методы исследования: анализ, синтез, индукция. Ведущим является системный подход. Данные методы использовались с целью анализа и обобщения имеющегося материала по данной проблематике. Использование системного подхода позволило выделить аспекты духовной безопасности по их значимости в настоящее время.

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемая в статье проблематика может применяться для дальнейшего анализа духовной безопасности и ее аспектов. Кроме того, данные материалы могут найти свое практическое применение в обучающих курсах по социальной философии, этике, основам российской государственности.

Обсуждение и результаты

Анализом духовной безопасности занимаются богословы, философы, культурологи, социологи, политологи. В исследованиях, посвященных данной проблематике, в зависимости от ракурса рассмотрения проблемы можно выделить следующие аспекты в понимании духовной безопасности: религиозный (конфессиональный), культурологический, аксиологический, социологический, психологический, политический. Остановимся более подробно на некоторых из них. В рамках данного исследования наибольший интерес представляют философский, культурологический и социологический подходы к духовной безопасности.

Наиболее разработанным данное понятие является в трудах религиозных деятелей и философов. Значительный вклад в становление понятия «духовная безопасность» внесли русские философы В. С. Соловьев (1999), П. А. Флоренский (2021), Н. А. Бердяев (2019), И. А. Ильин (2004).

Среди современных исследователей, рассматривающих духовную безопасность в религиозном аспекте, следует назвать протоиерея А. И. Хвылю-Олинтера (2008), А. В. Шувалова (2020). Без сомнения, понимание духовной безопасности в рамках той или иной традиционной религии имеет глубинные основания в культуре и традициях различных народов. А. И. Хвыля-Олинтер, серьезно изучающий сущность понятий «духовность» и «духовная безопасность» в рамках православного мировоззрения, выделяет несколько значений данного понятия: «Духовная безопасность – это 1) система отношений между субъектами общественной жизни, которая обеспечивает благоприятные условия для позитивной (созидательной) духовной жизни и здорового духовного развития; 2) состояние защищенности жизненно важных духовных интересов и потребностей личности, семьи, общества и государства; 3) способность личности, семьи, общества и государства сохранять и развивать позитивную (созидательную) духовность» (2008, с. 71). К сожалению, при всей глубине исследования данной проблемы такое определение духовной безопасности не раскрывает, что понимается под «позитивной (созидательной) духовностью» и «позитивной духовной жизнью». Таким образом, определяемое понятие остается нераскрытым в его сущностных характеристиках. Кроме того, за рамками религии существует огромный пласт культурных ценностей, которые внесли значительный вклад в развитие как всего человечества, так и российской культуры. Мы считаем невозможным считать духовную безопасность только религиозным понятием (в реальности – еще более узким конфессиональным).

В культурологическом аспекте духовную безопасность рассматривают С. А. Митасова и И. А. Иванов (2019). По мнению исследователей, глобализационные процессы негативно влияют на национальные культуры, разрушая и унифицируя их, «происходит образование единой мировой культуры, ориентированной на западные ценностные образцы, с другой стороны, обостряется локализация народов по религиозному и этническому признакам» (Митасова, Иванов, 2019, с. 171). Вследствие этого авторы считают, что духовная безопасность состоит в «освоении, сохранении, воспроизведении» (Митасова, Иванов, 2019, с. 171) культурных оснований коренных народов России, сохранении их самобытности и в то же время интеграции многонациональной и многоконфессиональной культуры современной России в мировую культуру.

В рамках аксиологического подхода духовную безопасность рассматривают П. Н. Беспаленко (2009), А. С. Запесоцкий (2002), С. Н. Соколова (2017). Они считают духовную безопасность неотъемлемой частью национальной и общественной безопасности. При этом возможность духовной безопасности личности вытекает из духовной безопасности общества.

А. С. Запесоцкий дает следующее определение духовной безопасности: «Это система условий, позволяющая культуре и обществу сохранять свои жизненно важные параметры в пределах исторически сложившейся нормы» (2002, с. 27). В данном достаточно кратком определении содержится сущностная сторона духовной безопасности, заключающаяся в ее способности и потенциале сохранять и воспроизводить параметры и уровень жизнеспособности общества в целом и отдельной личности в частности.

В контексте нашего исследования важным представляется обращение к позиции С. Н. Соколовой (2017), которая акцентирует свое внимание на духовной безопасности личности, выделяя важнейшие аспекты данной проблемы. Во-первых, «именно личность становится средством для достижения целей, гарантирующих прогрессивное развитие техногенного общества» (Соколова, 2017, с. 49). Во-вторых, по мнению исследователя, необходимо сгладить агрессивное воздействие современного общества на личность путем замены «антиценностей на традиционные ценности, нравственную деятельность и социальные нормы» (Соколова, 2017, с. 49).

Еще один аспект важности изучения духовной безопасности личности состоит в том, что только при актуализации гуманистических принципов и аксиологических основ в развитии конкретного человека возможно поступательное развитие общества. С. Н. Соколова считает духовную культуру личности *сигмой безопасности*, то есть «обязательным условием развития прогрессивных производительных сил и общественных отношений» (2017, с. 50).

Важное место в трактовке духовной безопасности занимает социологический подход. Социологи рассматривают духовную безопасность как составную часть национальной безопасности. Анализ известных социологических исследований духовной безопасности, а также свое видение проблемы представляет А. А. Возмитель (2006). Он отмечает, что социологический подход к духовной безопасности отличается от философского тем, что в традиционном (философском) плане «это, прежде всего, защита “ОТ”», а во втором – это система безопасности “ДЛЯ”» (Возмитель, 2006, с. 148). Следовательно, «с позиций социологического подхода – *духовная безопасность* – специфическая составная часть национальной безопасности. Она представляет собой состояние личности, общества и власти, обеспечивающее их нормальное взаимоотноуязванное функционирование, а также созидательное культурно-цивилизационное развитие сложившегося или складывающегося национального образа жизни. С другой стороны – это процесс сохранения и видоизменения идей, идеалов, ценностей, норм и традиций, господствующих в обществе, разделяемых массами людей и властными структурами в целях социального воспроизводства, гарантирующего устойчивость вектора, преемственность и динамику общественного развития» (Возмитель, 2006, с. 148). На наш взгляд, автор в данном определении духовной безопасности совершенно верно делает акцент на том, что духовная безопасность это не просто состояние личности и общества, при котором можно нормально функционировать – это процесс, направленный на сохранение традиционных ценностей и культурных традиций, благодаря которым и возможно конструктивное, планомерное развитие общества и личности.

Следует отметить, что большинство исследователей говорят о тесной связи духовной безопасности личности с духовной безопасностью государства и общества, а также рассматривают духовную безопасность как неотъемлемую часть национальной безопасности.

По нашему мнению, взаимосвязь национальной и духовной безопасности, безусловно, играет большую роль при определении духовной безопасности. Однако следует отметить, что первоочередность духовной безопасности среди всех остальных видов и аспектов безопасности делает ее самостоятельной силой и самостоятельным понятием, которое заслуживает всестороннего изучения и глубокого анализа не только в рамках национальной, религиозной или иных систем безопасности. Справедливым мы считаем уточнение, которое делает в своей статье А. В. Харсеева о том, что духовная безопасность есть «самостоятельная сфера общественного бытия, органично вплетенная в структуру общественных отношений. Духовная безопасность ориентирована на выяснение конкретных источников различного рода опасностей, угроз, на уточнение значимых структурных элементов социокультурной системы, обеспечивающей самосохранение, прогрессивное развитие в изменяющихся условиях общественных отношений» (2006, с. 28).

Таким образом, можно заключить, что духовная безопасность является важнейшим элементом в общей системе безопасности и представляет собой состояние, выражающееся в отсутствии или ослаблении внешних и внутренних угроз, а также возможности противодействия им при помощи культурных и нравственных ценностей, национальных традиций и религиозных устоев данного общества, являющихся необходимым условием устойчивого развития всех без исключения общественных подсистем.

Широкое обсуждение понятия «духовная безопасность» в российском научном пространстве вызвало интерес к данному понятию среди зарубежных исследователей.

Одной из первых работ в области изучения понятия духовной безопасности в России стала статья «Духовная безопасность в путинской России» Джули Элкнер (Elkner, 2005), опубликованная на сайте History & Policy (История и политика) 1 января 2005 г. Областью интересов автора является изучение деятельности тайной полиции на советском и постсоветском пространстве. Этим объясняется рассмотрение духовной безопасности как стремление государства «сакрализировать деятельность ФСБ» путем укрепления связи РПЦ с ФСБ. Точкой отсчета Элкнер считает освящение православного храма на Лубянке в марте 2002 года. Этот факт,

по мнению исследовательницы, говорит о связи понятия «духовная безопасность» не с традиционализмом в области духовной сферы, связанным с исконными ценностями России, а с ценностями советского времени: «...при ближайшем рассмотрении часто оказываются уходящими своими корнями не в дореволюционную царскую историю России, а в советское прошлое, в частности, в отношение советского режима к идеологическим диверсиям» (Elkner, 2005). Кроме того, в статье резко критикуется запрет на деятельность зарубежных религиозных организаций с целью защиты духовной безопасности России.

Продолжением исследования понятия духовной безопасности в России стала статья «Духовная безопасность» отставного чиновника Министерства иностранных дел Ирландии Падрейга Мерфи (Murphy, 2016), опубликованная в декабре 2016 г. в онлайн-журнале “Dublin Review of Books”. Данная работа посвящена анализу исторической связи светской и религиозной власти в России, а также доминирующему месту православия как опоры нынешней государственной власти. По мнению автора, активные поиски национальной идеи и самоидентичности российского народа продолжались на протяжении всего постсоветского периода. Идеалы дореволюционной России ушли в далекое прошлое, а возврат к советским лозунгам не устраивает нынешнее поколение. Остается обратиться к истории и выявить, что является наиболее устойчивым духовным основанием нашей страны. Мерфи пишет: «Из той же истории видно, что религия, прежде всего православие, была одним из основных рассматриваемых вариантов» (Murphy, 2016). Исследователь отмечает, что православие, пришедшее на Русь из Византии, принесло с собой «симфонию властей» патриарха и императора, которая органично просуществовала в России несколько сотен лет: «Руководители православной церкви были неотъемлемой частью переноса центра тяжести Русского государства из Киева в Москву, ставшую между 1326 и 1328 годами штаб-квартирой митрополита с титулом митрополита Русского, а не только Московского, тем самым поднимая политический престиж тогдашнего Московского княжества» (Murphy, 2016). Мерфи описывает взаимовлияние религиозной и светской власти при Романовых, а также политику жестких ограничений со стороны государственной власти в отношении неправославных конфессий (иудаизма, католицизма), действующих на тот момент в России. В кратком анализе советского периода существования религии в Советском Союзе автор приходит к выводу, что православная церковь попыталась примириться с советской властью тем, «что большая часть высшего духовенства состояла из мужчин, которые под рясой носили гэбэшные сапоги» (Murphy, 2016). Приход к власти Б. Ельцина для духовной сферы общества автор оценивает как «вседозволенность, что соответствовало тому, что одновременно происходило в экономической сфере» (Murphy, 2016). Дальнейшее развитие взаимодействия между светской и религиозной властью в России, по мнению Мерфи, было обусловлено принятием нового Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в 1997 году. Автор отмечает, что в законе «особо упоминаются православие, ислам, буддизм и иудаизм, при этом православию отводится особая историческая роль как вклада в духовное и культурное развитие России» (Murphy, 2016). На момент написания статьи (2016 год) ориентиром курса России в области духовной безопасности Мерфи называет выступления В. В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», в котором говорилось о необходимости объединяющей идеи, а также демонстрацию политической элитой России своей приверженности православию. Таким образом, по мнению Мерфи, государственная власть в России видит в православии духовный щит, основу духовной безопасности. «Православное превосходство должно вернуться в роли “нравственного гегемона”, защищающего Юг от нашествия Севера, и для этого необходимо российское лидерство» (Murphy, 2016).

Среди западных авторов, чей научный интерес находится в области изучения различных аспектов духовной жизни современной России, следует назвать Кристину Штокль, профессора социологии Инсбрукского университета и автора книги «Русская православная церковь и права человека» (2014). На симпозиуме «Религия и комплексная безопасность» К. Штокль (Stoeckl, 2022) представила доклад «Доктрина духовной безопасности России как вызов европейским подходам к всеобъемлющей безопасности» (опубликован 13 декабря 2022 г.). Уже само название указывает на то, что автор считает российскую доктрину противопоставлением европейской стратегии безопасности. Она отмечает, что понятие «духовная безопасность» в России появляется примерно в то же время, когда Европа включила в стратегию безопасности формулу «свобода религий и убеждений» (Stoeckl, 2022). По мнению Штокль, европейская формула является альтернативой устаревшему в данное время понятию национальной безопасности, ущемляющей индивидуальные права, и выводит мир на новый глобальный уровень всеобщей коллективной безопасности (Stoeckl, 2022). Говоря о России, К. Штокль пишет следующее: «В 1997 году в России был принят закон, который серьезно ограничил свободу вероисповедания в стране, а в 2000 году Российская Стратегия национальной безопасности оправдывала ограничения свободы вероисповедания с точки зрения духовных и моральных ценностей. Таким образом, российское понятие «духовной безопасности» стало соперничать с концепцией всеобъемлющей безопасности, которая формировалась в Европе, США и международных организациях» (Stoeckl, 2022). Штокль анализирует обновленную Стратегию национальной безопасности до 2021 г. и отмечает, что понятие «духовно-нравственные ценности» теперь во много раз чаще встречается в тексте (Stoeckl, 2022). Исследовательница критикует ограничение деятельности на территории РФ таких организаций, как Свидетели Иеговы* и различных евангельских групп, считая, что это нарушает права человека, а также способствует тому, что Русская Православная церковь становится главенствующей в государстве и устанавливает «привилегированный статус внутри российского государства и общества, а также ее роль привратника по отношению к другим религиозным группам в стране» (Stoeckl, 2022). Штокль отмечает, что «традиционные» религии России не попали под запрет во имя духовной безопасности; вместо этого российские мусульмане, буддисты, старообрядцы, еврейские

общины и другие стали неотъемлемой частью секьюритизации духовно-нравственных ценностей в России» (Stoeckl, 2022). В целом, негативно оценивая наполненность понятия «духовная безопасность» национальным и религиозным содержанием в современной российской действительности, Штокль делает вывод о том, что «корни этого дискурса лежат не столько в русской православной культуре и истории, сколько в мировых культурных войнах» (Stoeckl, 2022).

В интервью с редактором журнала «Религия и дипломатия» Джаддом Бердсолом от 10 октября 2022 года Штокль в целом повторяет свою мысль, что понятие «духовная безопасность» в России используется для поддержания политики государства и православной церкви, что нарушает права личности и ущемляет интересы остальных конфессий (Russia's Use of "Spiritual Security"..., 2022). В завершение беседы Штокль дает рекомендацию европейским политикам и культурным деятелям, как работать с российской аудиторией: «Аудитория, которая не восприимчива к гендерным вопросам, может быть восприимчива к вопросам расы, возраста и инвалидности. Принцип недискриминации можно объяснять по-разному, подготавливая аудиторию ко всем его измерениям. Короче говоря, там, где Россия сужает дискурс, западные дипломаты должны расширять и контекстуализировать его» (Russia's Use of "Spiritual Security"..., 2022).

Таким образом, зарубежные исследователи серьезно заинтересованы изучением вопроса духовной безопасности в России в нынешней ситуации. Их оценки в целом сводятся к следующему: во-первых, необходимостью духовной безопасности озабочена большая часть российского общества, а не только его элита; во-вторых, органичная связь, или «симфония», светской и религиозной власти является исторической особенностью российского общества; в-третьих, защита традиционных для России религий и ограничение деятельности зарубежных религиозных организаций и объединений ограничивают свободу личности и препятствуют распространению западных ценностей. Исходя из данных выводов, можно сказать, что принятие мер к обеспечению духовной безопасности действительно является эффективной мерой ограничения проникновения нетрадиционных для нашей страны ценностей, что признается западными исследователями.

От понимания приоритетности духовной безопасности личности во многом сегодня зависит не просто развитие общества, но и, по большому счету, его дальнейшее существование.

Особую значимость представляют социальный и нравственный аспекты духовной безопасности. Остановимся на их рассмотрении более подробно.

На наш взгляд, основным социальным аспектом духовной безопасности является обеспечение социальной стабильности общества. Как отмечают Е. Г. Шукшина и Н. В. Волков, «социальную стабильность можно определить как состояние взаимосвязей членов общества и общественных институтов, позволяющих социальной системе функционировать и развиваться в условиях внешних и внутренних изменений на основе динамического равновесия основных параметров системы и способности возвращаться в него в случае вынужденных отклонений» (2006, с. 27). Иначе говоря, социальная стабильность предполагает устойчивость, постоянство общественной системы, несмотря на изменения в окружающей среде. Чтобы сохранить равновесие в социуме, духовная безопасность должна быть направлена прежде всего на преодоление социокультурного раскола, выражающегося в социальном неравенстве населения, социальном отчуждении и пессимизме, утрате межпоколенческих связей, крайней степени недоверия между людьми, усиливающейся тенденции к атомизации и т. д.

Остановимся на некоторых наиболее значимых и опасных проявлениях социокультурного раскола в современном российском обществе.

Прежде всего, это проблема социального неравенства.

Наиболее остро данная проблема стала наблюдаться в России начиная с 90-х гг. XX века. Распад СССР, резкая смена политической власти, дестабилизация экономической сферы и проч. – все это не могло не привести к целому ряду социальных противоречий. Большая часть трудоспособного населения оказалась в затруднительном материальном положении вследствие экономического кризиса 1996–1998 гг. По данным Росстата, уровень безработицы в нашей стране достиг пиковых значений в 1997–1998 гг. и составил 13,3% от общей численности населения (Уровень безработицы Росстат: по годам, региону, возрасту. <https://rosinfostat.ru/uroven-bezrabotitsy/>). Именно в это время массово возникают финансовые пирамиды, появляется понятие обманной приватизации, происходит поляризация населения по уровню материального достатка, возрастает криминализация общества. Социальный кризис, в котором оказалась в конце XX века Россия, имел долгосрочные последствия.

В современном российском обществе проблема безработицы не является окончательно решенной, но вместе с тем наблюдается рост положительной динамики в ее преодолении. За последние годы численность безработного населения в нашей стране значительно снизилась. Так, «по итогам 2023 года уровень безработицы составил 3,2%, а число занятых увеличилось до 74,2 млн человек» (Росстат зафиксировал исторический минимум безработицы на уровне 2,7% // Коммерсантъ. 27.04.2024. <https://www.kommersant.ru/doc/6678797>). А за сентябрь – ноябрь 2024 года составил уже 2,3% (Трудовые ресурсы, занятость и безработица. https://rosstat.gov.ru/labour_force).

Не менее важной является проблема социального отчуждения. Следует сразу отметить, что данная проблема не является новой, характерной сугубо для современного состояния общества. В разное время к ней обращались Ж.-Ж. Руссо, С. Кьеркегор, К. Маркс, М. Хайдеггер, Ф. М. Достоевский и др. Давность этой проблемы обуславливает множество ее интерпретаций. Как отмечает Е. Д. Шетулова, «понимание отчуждения неоднозначно и “бытует” главным образом в трех существенно различных значениях. Первое – под отчуждением понимается любое опредмечивание человеческой деятельности, когда всякое проявление деятельности

принимает некую материальную форму и отделяется от человека. Второе – под отчуждением понимается овеществление субъекта, порабощение его продуктами собственной деятельности. Третье – под отчуждением понимается психическое состояние человека, ощущение им собственной несвободы и манипуляции со стороны внешних сил» (2008, с. 135). По сферам деятельности выделяют разные формы отчуждения: политическое, экономическое, правовое, духовное. Социальное отчуждение включает в себя все перечисленные формы. Как видим, данный феномен является многоаспектным и неоднозначно понимаемым. Вместе с тем многие исследователи этой проблемы указывают на ее отрицательный характер.

Так, например, А. Н. Гулевский и Н. А. Гулевская, указывая на то, что отчуждение можно понимать в различных контекстах, оценивают его как негативное социальное явление. Они пишут: «Первый контекст... связан с созданием враждебной порабащающей силы, а второй рассматривает отчуждение как процесс порабощения человека. Третий связан уже с результатом воздействия отчуждения на человека, когда он окончательно отказывается от своей подлинной сущности и подменяет ее искусственно созданной, ненастоящей» (Гулевский, Гулевская, 2017, с. 89). Такими силами могут быть деньги, техника, социальные институты, СМИ и т. д. Все это создано самим человеком, но в какой-то момент эти силы начинают доминировать, и он становится несвободным, зависимым от их влияния. Современное состояние социума отчетливо свидетельствует об этом.

Общество потребления ориентирует современного человека на материальные ценности, обогащение, служение золотому тельцу. Человек быстро попадает под это пагубное влияние, не замечая, как оказывается под властью потребления и обладания вещами. А. Швейцер писал об этом следующее: «В наиболее общем виде угроза культуре, таящаяся в материальных достижениях, состоит в том, что массы людей в результате коренного преобразования условий их жизни из свободных превращаются в несвободных» (1992, с. 93).

Небывалый технический прогресс при всех положительных характеристиках имеет и обратную сторону. Человек оказывается поработанным машиной. Об этом негативном воздействии техники на человека писали философы уже в XX столетии. Так, Э. Фромм говорит следующее о становлении механизированного общества: «В ходе его становления человек, сытый и довольный, но пассивный, безжизненный и бесчувственный, все больше превращается в частицу тотальной машины» (1993, с. 217).

На зависимость человека от машины указывает и А. Швейцер: «Силы природы мы ставим на службу машине... Чисто механическая работа стала теперь уделом многих из нас. Оторванные от собственного дома и от кормилицы-земли, мы живем в условиях удручающей материальной несвободы. В результате того переворота, который произвела машина, почти все мы очутились в таких условиях труда, которые слишком сильно регламентируют, сужают и делают весьма напряженной нашу трудовую жизнь. Нам теперь нелегко даются самоосознание и сосредоточенность. Страдает наша семейная жизнь и воспитание детей» (1992, с. 231).

Особое место в рамках социального отчуждения занимает духовное отчуждение, поскольку, как уже было отмечено выше, кризисы и риски, возникающие на уровне духовной сферы, способны вызвать многие негативные процессы в других сферах общества, стать прямой угрозой духовной безопасности личности и социума. Существуют разные определения духовного отчуждения. Нам близка позиция А. Хохловой, которая указывает, что «духовное отчуждение – это объективно-субъективный процесс, состояние и результат утраты личностью, социальными группами и обществом своей способности постигать источники смыслополагания, смысложизненные духовно-нравственные ценности и невозможность их воплощения в индивидуальном и общественном бытии» (2011, с. 28).

В определенном смысле социальные институты, будучи порожденными человеком, также отчуждаются от него. Школа, армия, институт брака и др. детерминируют и регламентируют социальные отношения, тем самым, в той или иной степени, ограничивая свободу человека. СМИ, особенно Интернет, также превращаются сегодня в отчужденную силу, навязывая человеку ненужную информацию, которая подчас является ложной, не соответствующей действительности. Но, с другой стороны, все вышеперечисленное является продуктами общественного развития, без которых невозможны нормальное функционирование и прогресс общества. Поэтому, на наш взгляд, все это можно характеризовать как отчужденную от человека, порабащающую его силу лишь в относительном смысле.

Тесно связанными с проблемой социального отчуждения являются растущее недоверие между людьми, усиливающаяся тенденция к атомизации, утрата межпоколенческих связей. В этом случае люди отчуждаются не от продуктов собственной деятельности, а друг от друга.

Исследователи О. М. Шевченко и М. П. Тихоновскова отмечают, что социокультурный раскол «проявляется в нарушении нормальных эмоциональных связей между людьми, нарастании взаимной отчужденности в обществе» (2018, с. 165). В XXI веке люди все больше отчуждаются друг от друга, зачастую подменяя живое человеческое общение виртуальным общением посредством сети Интернет. Разрыв связей между людьми наблюдается на разных уровнях, но особенно ярко он выражается в общении между разными поколениями. Растет непонимание между родителями и детьми, между дедами и внуками. Молодежь не просто не прислушивается к советам старших по возрасту, но относится к людям старшего поколения пренебрежительно, высокомерно, неуважительно, считает их отставшими от жизни, не способными адаптироваться к реалиям цифрового мира.

Таким образом, чтобы обеспечить социальную стабильность общества, необходимо все усилия направить на устранение социокультурного раскола в обществе, или, по крайней мере, на минимизацию его основных негативных проявлений. Осознание важности этой проблемы должно произойти, прежде всего, на общественном уровне, на уровне властных структур и социальных институтов, в первую очередь, института образования. Очевидно, что от решения данной проблемы напрямую зависит возможность обеспечения духовной безопасности личности и общества.

Как было отмечено выше, важнейшим аспектом духовной безопасности, наряду с социальным, является ее нравственный аспект. Чаще всего можно услышать о сохранении именно духовно-нравственных ценностей для обеспечения стабильности общества. Опора на традиционные нравственные основы культуры нации способствует сохранению ее идентичности, жизнеспособности и дальнейшему развитию.

В условиях глобализации, конечной целью которой является космополитизм, создание единого пространства с унифицированной культурой и остальными сферами общественной жизни, стирается духовная-нравственная идентичность народов, исчезают те ценности, которые веками формировали особенности характера и устои жизни различных этносов. Т. А. Чикаева пишет: «Очевидно, один из тезисов по подготовке человека к глобальному миру состоит в том, чтобы изменить отношение человека к миру, своей культурной принадлежности... Такой человек спокойно отнесется к гибели своего Отечества и уничтожению культуры своего народа, если ему скажут, что это необходимо для торжества прав и интересов человека» (2020, с. 432). Следует обратить внимание на то, что глобализационные процессы отразились в культуре как доминирование таких западных ценностей, как индивидуализм, утилитаризм, прагматизм, потребительство и первостепенное значение материального благополучия.

Для российского общества вестернизация духовной сферы вызвала серьезную переоценку традиционных нравственных ценностей, ломку мировоззренческих ориентиров. По справедливому замечанию А. А. Возмителя, сейчас в нашем обществе «фактически отсутствует общепринятая или же хотя бы широко распространенная система представлений о добре и зле, о нравственном и безнравственном, о норме и отклонении от нее» (2006, с. 153). Исчезновение национальных нравственных основ является серьезной угрозой стабильности общества и реальной угрозой суверенного существования государства. В условиях глубочайших кризисных явлений именно государство берет на себя функции сохранения и обеспечения правовой защиты традиционных нравственных ценностей.

О. А. Селюнина отмечает, что «в отечественных конституциях 1918, 1925, 1937 гг. слово “нравственность” отсутствовало. Отчасти это можно объяснить тем, что правовое регулирование общественных отношений не достигло в тот период уровня, достаточного для всестороннего конституционного закрепления духовных основ жизнедеятельности общества. В Конституции РСФСР 1978 г. была закреплена забота государства “об охране, преумножении и широком использовании духовных ценностей для нравственного и эстетического воспитания советских людей, повышения их культурного уровня” (ст. 27). Другими словами, нравственность позиционировалась в контексте социального развития и культуры как предмет отдельного государственного интереса» (2020, с. 166).

В нынешней ситуации разложения и потери авторитета духовно-нравственных ценностей возникла необходимость введения понятия «традиционные духовно-нравственные ценности» в правовые документы Российской Федерации. Определению этого понятия посвящено множество работ современных исследователей (Богатырев, Галяшина, 2022; Горлова, 2021; Даминдарова, 2011; Посадский, 2021).

В результате в документах появляется специальный юридический термин «традиционные российские духовно-нравственные ценности», «объединяющий и обобщающий множество других юридических терминов и выступающий по отношению к ним в качестве родового понятия» (Богатырев, Галяшина, 2022, с. 141). Исследователи, занимающиеся данной проблемой, считают, что правовое регулирование не может заменить собой нравственного регулирования, и наоборот. Это две самостоятельные взаимосвязанные области духовной деятельности человека, и в данной ситуации «право – лишь инструмент социального конструирования желаемой реальности. То, какой она должна быть, определяется исходя из нашей картины мира и наших представлений о должном» (Богатырев, Галяшина, 2022, с. 148).

Важный шаг для сохранения традиционных нравственных ценностей был сделан в 2020 году, когда российское общество проголосовало за поправки к Конституции, касающиеся нравственных ценностей, выработанных в нашей культуре на протяжении многих веков и отражающих глубинные смыслы человеческого существования. Референдум показал, что большая часть населения обеспокоена потерей традиционных нравственных ориентиров, подменой их культурой потребления и идеализацией индивидуализма.

Следующими серьезными шагами со стороны государства в деле защиты нравственных ценностей российского общества стали Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (<http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>), а также Указ Президента РФ от 25.01.2023 № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808» (<http://www.kremlin.ru/acts/bank/48855>). Можно заключить, что в настоящее время государство предпринимает очень многое для восстановления духовно-нравственных традиций многонационального российского государства. Современный исследователь А. В. Посадский справедливо отмечает ведущую роль государства в сохранении традиционных нравственных ценностей: «Нравственно-правовое государство выступает выразителем высшего нравственного порядка народной жизни, зиждется на нравственных приоритетах народного правосознания. Оно стремится возводить предписания нравственности в степень положительного закона, формировать юридические начала при опоре на традиционные духовно-нравственные ценности народа... Нравственно-правовое государство выражает классическое правопонимание, означающее, что право опирается на уходящие в века традиционные нравственные нормы» (2021, с. 33).

Между тем не следует думать, что одни правовые документы и решения «сверху» могут восстановить утраченные ценности. Это длительный и многосторонний процесс. Такие нравственные ценности, как семья,

патриотизм, честь, долг, коллективизм, сотрудничество, взаимопомощь и другие, являются исконными для российского общества. Опора на них в воспитании и образовании детей и молодежи, знакомство и глубинное погружение в русскую культуру, а также во все богатство этнонациональных культур России будет способствовать органичному восстановлению духовно-нравственной самобытности народа.

В условиях длительной деидеологизации российского общества, с одной стороны, и насаждения либеральных западных ценностей, с другой, вопросом сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей в нашей стране были озабочены только представители традиционных религиозных конфессий. Они никогда не забывали, что именно духовно-нравственные ценности и традиции на протяжении многих веков играли решающую роль в интеграции российского общества. Православие, ислам, иудаизм, буддизм утверждают непреходящую ценность таких нравственных установок, как любовь к человеку, долг перед Отчизной, уважение к старшим, служение ближним, забота о семье. Поэтому в настоящее время роль религии в сохранении традиционных нравственных ориентиров является одной из самых значимых. Мы полностью согласны с позицией Н. Х. Гафиатулиной и Э. М. Загировой, которые пишут: «Опираясь на традицию, обладающую огромной притягательной силой, всякое религиозное учреждение (будь то церковь, мечеть и пр.) сегодня выступает в качестве основного звена, реально сдерживающего безудержный “инновационный” прорыв в духовно-нравственное пространство сознания молодых поколений россиян чужеродных, разрушительных и деструктивных ценностей, идеалов, норм и правил» (2017, с. 152).

В рамках традиционных для России религий ценность семьи является непреходящей. Именно семья является кладом тех ценностей, с которыми ребенок пойдет по жизни, это нравственный, духовный фундамент личности.

В настоящее время государство проводит огромную работу по поддержке семьи, материнства, отцовства и детства. 2024 г. был объявлен Годом семьи, проводилось множество мероприятий различного уровня, а также запущены социальные программы поддержки семьи. Негативную оценку со стороны власти и общественности получили такие явления, как «child-free» и «отложенное родительство», которые впоследствии могут привести к потере важнейших социальных функций семьи и крайне негативно отразиться на дальнейшем развитии общества и его ценностных ориентирах.

Можно говорить о том, что на правовом и социальном уровне сделано и делается очень много для восстановления привлекательности семьи как социального института. Однако в этическом плане достаточно сложно изменить мировоззренческие установки за такое короткое время. Нравственные ориентиры начинают трансформироваться, когда появляются реальные образцы поведения, жизненные примеры близких людей, когда удовлетворяется потребность не только в материальной защищенности, но и в духовной защищенности и духовной близости внутри семьи. Вследствие этого восстановление нравственной ценности семьи – это внутренняя духовная работа каждого человека здесь и сейчас. Нравственный труд иногда гораздо более тяжелый, чем физический, поскольку человек начинает работать над собой, над своими слабостями, пытается преодолеть эгоизм в любви и служении своей супруге (супругу), близким. Тепло семейного очага, любовь родителей – это то, что остается с человеком навсегда, как огромная ценность пронесется через всю жизнь. С любви к семье начинается любовь к Родине, как малой, так и большой.

Патриотизм является одной из главных нравственных ценностей, обеспечивающих духовную безопасность личности и общества. Это есть действенная любовь к Родине. Следует отметить, что любовь к родине теснейшим образом связана с гуманизмом, а следовательно, не имеет ничего общего с национализмом, возвышением одного народа, одной нации над другой. Об этом пишет Т. А. Чикаева: «Важно понимать разницу между патриотическим воспитанием и воспитанием преданности государству... Государство – политический объект... Родина является сложно организованной духовной субстанцией, первичной по отношению к любому природному, материальному, социальному или интеллектуальному объекту, являющейся человеку через систему своих образов, высшая ценность... Патриотическое воспитание, во-первых, нацелено на развитие всего человечества, другой для патриота столь же необходим, как и он сам, как и представители своего народа» (2020, с. 432). Любовь к Родине, сохранение и уважение к ее традициям и истории необходимо предполагает уважительное отношение к истории и культуре других народов. Бережное отношение к самобытности всех народов есть проявление связи гуманизма и патриотизма. Кроме того, патриотизм наряду с гуманизмом есть проявление духовности: «Традиции патриотизма и гуманизма – это то божеское в человеке, что дано лишь ему, то, что отличает его от любого другого творения Бога. Отсюда и приоритетное значение духовности, нравственности для сохранения именно специфически человеческого в индивиде, нормального функционирования общества и государства» (Гафиатулина, Загирова, 2017, с. 146). Поэтому патриотическое воспитание предполагает опору на религиозные и нравственные ценности народа, понимание важности сохранения уникальности своих традиций и уважение культурного наследия других. Если же система духовно-нравственных ценностей одного народа вступает в противоречие с системой ценностей другого народа, то в этом случае патриотическое воспитание позволит человеку распознать это противоречие, сделать выбор между добром и злом в рамках той духовной парадигмы, которая является исконной для данного общества.

В 2022 г. в Сети было опубликовано мнение известного американского обозревателя Рода Дреера из American Conservative, содержащее оценку политики европейских стран и Америки в отношении конфликта на Украине. Заголовок гласил: «Нравственный идеализм властей Европы может привести к расширению конфликта на Украине до масштабной войны с Россией» (Совина М. В США назвали условие для войны Запада и России // lenta.ru. 05.12.2022. <https://lenta.ru/news/2022/12/05/war/>). В своей статье Род Дреер делает акцент на разности понимания содержания таких важнейших этических категорий, как добро и зло. Он пишет: «Если

вы хотите, чтобы конфликт закончился прежде, чем унесет еще больше человеческих жизней, разрушит еще больше экономик и разрастется, то вы плохой человек» (Совина, 2022). Тем самым обозреватель подчеркивает, что в настоящее время на Западе под злом понимается недопущение эскалации конфликта и неподдержание военной помощи Украине. В таком случае под добром понимается наращивание военной помощи и, как следствие, новые жертвы. «Нравственный идеализм» западных стран меняет местами содержание понятий «добро» и «зло» в данном контексте, что вступает в прямое противоречие с пониманием сущности данных категорий в российском обществе. Это только один из примеров того, что в настоящее время конфликт не ограничивается военными действиями, его причины гораздо глубже и затрагивают нравственные ценности народов.

Таким образом, говоря о сохранении традиционных духовно-нравственных основ российского общества, мы не имеем в виду отказ в нынешних условиях от всего наследия мировой культуры, добровольную изолированность России от остального мира. Напротив, уважение к исторической памяти народа, жизнь согласно традиционным духовно-нравственным ориентирам, предполагающим соборность, сострадание, взаимопомощь, любовь к Отчизне, нестяжание, щедрость и гостеприимство, ценность семьи и детей делают нас открытыми к включенности в многополярный мир, в котором признается равенство всех культур и народов, их право на сохранение своей идентичности и непохожести на других.

Закключение

Итак, духовная безопасность, являясь важнейшим аспектом национальной безопасности, в то же время представляет собой самостоятельную силу общественного бытия. При этом следует особо подчеркнуть приоритетный характер духовной безопасности личности в ряду всех имеющихся аспектов безопасности, поскольку именно духовная безопасность личности и общества является условием дальнейшего развития и существования России.

Главное место в структуре духовной безопасности занимают социальный и нравственный аспекты, поскольку в полной мере раскрывают ее сущностные характеристики. Социальный аспект духовной безопасности направлен на обеспечение социальной стабильности общества, а нравственный – на сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей. Осознание важности этих двух сторон духовной безопасности на общественном и личностном уровнях позволит не только консолидировать усилия, направленные на обеспечение безопасности духовной сферы общества, но и в целом будет способствовать разработке стратегий обеспечения комплексной безопасности российского общества от внешних и внутренних угроз.

Социальный и нравственные аспекты духовной безопасности требуют дальнейшего глубокого и всестороннего исследования в рамках междисциплинарного подхода, в который необходимо включаться специалистам из областей философии, этики, культурологии, политологии, права, истории. Особо следует обратить внимание на кризис морали и трансформацию нравственных ценностей в эпоху глобализации. В настоящее время Россия активно пытается сохранить традиционное (сакральное) понимание ключевых понятий этики – добра, любви, справедливости, патриотизма, не допустить подмены содержания этих понятий какими-либо временными конструктами, которые находятся в прямой зависимости от текущей геополитической обстановки. В контексте современных вызовов духовная безопасность зависит от сохранения национальной идентичности, а следовательно, требует анализа влияния искусства и литературы на ценностные ориентиры молодежи. Исследование восприятия молодежью патриотизма как ценности, сравнение и анализ семейных ценностей разных поколений также может дать ценный материал для укрепления духовной безопасности личности в современной России.

Примечание: * – организация признана экстремистской и запрещена на территории России.

Источники | References

1. Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. М.: Амрита-Русь, 2019.
2. Беспаленко П. Н. Духовная безопасность в системе национальной безопасности современной России: проблемы институализации и модели решения: автореф. дисс. ... д. полит. н. Ростов н/Д, 2009.
3. Богатырев К. М., Галяшина Е. И. Понятие «традиционные российские духовно-нравственные ценности» в контексте обеспечения медиабезопасности в интернет-среде // LEX RUSSICA (Русский закон). 2022. № 10 (191).
4. Возмитель А. А. Духовная безопасность: социологический анализ // Мир России. 2006. № 2.
5. Гафиатулина Н. Х., Загирова Э. М. Система ценностей российской молодежи в контексте обеспечения духовно-нравственной безопасности общества // История, археология и этнография Кавказа. 2017. № 2 (50).
6. Горлова И. И. Традиционные духовно-нравственные ценности в нормативно-правовых документах Российской Федерации: состояние и пути совершенствования // Культурологический журнал. 2021. № 2 (44).
7. Гулевский А. Н., Гулевская Н. А. Отчуждение как социально-философская проблема // Философия права. 2017. № 2.
8. Даминдарова Ф. В. Проблемы возрождения духовно-нравственной традиции в современной России // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2011. Вып. 21. № 18 (233).
9. Запесоцкий А. С. Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности // Педагогика. 2002. № 1.

10. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М.: АСТ, 2004.
11. Митасова С. А., Иванов И. А. Духовная безопасность личности: культурологический аспект // Фундаментальная и прикладная наука: состояние и тенденции развития: сборник статей международной научно-практической конференции (г. Петрозаводск, 08 сентября 2019 г.). Петрозаводск: Новая наука, 2019.
12. Посадский А. В. Дискурс традиционных ценностей в пространстве российского конституционализма // Культурологический журнал. 2021. № 2 (44).
13. Селюнина О. А. Духовно-нравственное воспитание нации как основополагающий фактор борьбы с ненаблюдаемой экономикой и коррупцией // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 3 (123).
14. Соколова С. Н. Духовная безопасность общества и культура современной личности // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2017. № 1.
15. Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В. С. Спор о справедливости: сочинения. М. – Харьков: ЭКСМО-Пресс; Фолио, 1999.
16. Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины. М.: Академический Проект, 2021.
17. Фромм Э. Революция надежды. Навстречу гуманизированной технологии // Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993.
18. Харсеева А. В. Интерпретация понятия «духовность» в философии // Теория и практика общественного развития. 2006. Т. 2. № 5.
19. Хвыля-Олинтер А. И. Духовная безопасность России. М.: Даръ, 2008.
20. Хохлова А. Духовное отчуждение как социальная технология современности // Власть. 2011. № 11.
21. Чикаева Т. А. Патриотизм как ключевое условие противодействия угрозам духовной безопасности личности // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции (г. Грозный, 10-11 декабря 2020 г.). Грозный – Махачкала: Изд-во Чеченского государственного педагогического университета; АЛЕФ, 2020.
22. Швейцер А. Благоговение перед жизнью / пер. с нем.; сост. и посл. А. А. Гусейнова; общ. ред. А. А. Гусейнова и М. Г. Селезнёва. М.: Прогресс, 1992.
23. Шевченко О. М., Тихоновская М. П. Угрозы и риски духовной безопасности современной России // Гуманитарий юга России. 2018. Т. 7. № 1.
24. Шетулова Е. Д. Становление социального отчуждения: философско-методологический и конкретно-исторический аспекты проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 4.
25. Шувалов А. В. Духовная безопасность как фундаментальная основа психологической безопасности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Педагогика и психология». 2020. № 1 (51).
26. Шукшина Е. Г., Волков Н. В. Социально-правовые аспекты национальной безопасности современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел России. 2006. № 3.
27. Elkner J. Spiritual Security in Putin's Russia. 2005. <https://www.historyandpolicy.org/policy-papers/papers/spiritual-security-in-putins-russia>
28. Murphy P. Spiritual Security. 2016. <https://drb.ie/articles/spiritual-security/>
29. Russia's Use of "Spiritual Security": An Interview with Kristina Stoeckl // Religion & Diplomacy. 10.10.2022. <https://religionanddiplomacy.org/2022/10/10/russias-use-of-spiritual-security-an-interview-with-kristina-stoeckl/>
30. Stoeckl K. Russia's Spiritual Security Doctrine as a Challenge to European Comprehensive Security Approaches // The Review of Faith & International Affairs. 2022. Vol. 20 (4). <https://doi.org/10.1080/15570274.2022.2139536>

Информация об авторах | Author information

RU **Кокарева Юлия Владимировна**¹, к. филос. н., доц.
Миронова Надежда Витальевна², к. филос. н., доц.
¹ Забайкальский государственный университет, г. Чита
² Забайкальский государственный университет

EN **Yulia Vladimirovna Kokareva**¹, PhD
Nadezhda Vitalevna Mironova², PhD
^{1,2} Transbaikalian State University, Chita

¹ kokareva@inbox.ru, ² nadejda.74@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.03.2025; опубликовано online (published online): 12.05.2025.

Ключевые слова (keywords): духовность; национальная безопасность; духовная безопасность; аспекты духовной безопасности; spirituality; national security; spiritual security; aspects of spiritual security.